

Доктор Дэвид Тернер, Лекция по Матфею 6А – Матфея 13:1-23: Притчи о Царстве I

Приветствую вас снова, это Дэвид Тернер, и это лекция 6А, наша первая лекция о притчах царства, где мы представляем параболический дискурс в Матфея 13 и обсуждаем отрывок до стиха 23. Мы немного поторопились в последней записи и немного затянулись в конце. Вы могли потерять около половины предложения там в конце, но я просто хотел сказать, что можно понять, как притчи главы 13 были уместны, из-за фона, который вы получаете в 11 и 12.

Поскольку оппозиция Иисусу, к сожалению, растет и становится все более интенсивной, и его обвиняют в сотрудничестве с дьяволом и подобных клеветнических обвинениях, можно увидеть, как он начал использовать притчи как средство донесения истины своим ученикам, у которых есть возможность получить все объяснения, и по сути закрыть дверь тем, кто только принимал то, чему он учил, чтобы использовать это против них и придумать дополнительную клевету. Вот куда я клонил в конце, когда все было прервано. Вы не упустили ничего такого уж решающего, так что не стоит беспокоиться об этом.

В этой лекции у нас не так много материала, чтобы с ним работать, поэтому мы можем воспринимать вещи немного более небрежно, и мне не нужно говорить так быстро, а вам не нужно слушать так быстро, надеюсь. Мы подходим к одному из самых отличительных отрывков в Евангелии от Матфея, и, возможно, во всем Новом Завете, параболическому дискурсу Иисуса, очень знакомой притче о сеятеле. Итак, во-первых, когда мы рассматриваем здесь вопросы, мы попытаемся представить дискурс в целом, насколько это касается его структуры и толкования, притч в целом, а затем Матфея 13 в частности, а затем мы двинемся дальше и обсудим примерно первую притчу и пару вопросов, которые возникли при ее толковании Иисусом.

Наша первая задача тогда заключается в том, чтобы понять структуру этого дискурса, и я приглашаю вас не только просмотреть страницу 26 ваших дополнительных материалов, где дается план лекции, но и материал, который я предоставил вам на страницах 27 и 28, где у нас есть несколько различных подходов к структуре дискурса, изложенных там, чтобы вы могли увидеть, как они работают. После краткого упоминания об обстановке дискурса, Матфей повествует о третьем главном дискурсе Иисуса в 13:3 по 52. Помните теперь, первый дискурс Иисуса - это Нагорная проповедь в 5 по 7, а второй - это поручение ученикам для миссии в народ Израиля в Матфея 10, и оба эти

дискурса заканчиваются отличительным комментарием, когда Иисус закончил эти слова, как и этот дискурс в Матфея 13 и стихе 53.

Этот дискурс можно рассматривать как имеющий два раздела по четыре притчи каждый, если 13:51 и 52 правильно интерпретировать как притчу. Вы можете не заметить, что 13:51 и 52 — это притча, но если вы посмотрите на него, вы заметите, что в 13:52 Иисус использует вводную формулу для притчи, всякий книжник, который стал домохозяином Царства Небесного, всякий книжник, который стал учеником Царства Небесного, подобен главе семейства, и если вы просто посмотрите на страницу в вашей Библии до стиха 47, где Иисус говорит, что Царство Небесное подобно неводу, 45, Царство Небесное подобно купцу, 44, Царство Небесное подобно сокровищу. Вы улавливаете этот вводный мотив «Царство Небесное подобно», ясно, что 52 — это еще одна из очень коротких притч или утверждений, которые в основном сравнивают что-то с чем-то другим.

Итак, 13:51 и 52 следует рассматривать как притчу, и если это так, то в Евангелии от Матфея есть два раздела по четыре притчи каждый. В обоих этих разделах Иисус отвечает на вопрос учеников о притчах, 13:10-17 в первой половине и 13:36-43 во второй половине. Между двумя разделами находится редакционный комментарий Матфея, который объясняет, как притчи являются исполнением пророчества в 13:34-35, которое относится к Псалму 77.

Также интересно отметить, что пара коротких притч, которые довольно похожи, завершает первый раздел, и тот же тип пары из двух коротких похожих притч вводит второй раздел, сравните 13:31-33 и 13:44-46. Хотя есть некоторые люди, такие как Хагнер, которые сомневаются, что в дискурсе вообще есть какая-либо симметричная структура, есть по крайней мере два предложения, которые имеют некоторые достоинства. Обратите внимание на странице 27 в середине, подход Дэвиса и Эллисона. Они предлагают трехчастную структуру, где каждая часть дискурса начинается с притчи, продолжается как введением, извините, толкованием притчи, так и дальнейшим обсуждением притч.

Итак, они видят первый раздел в 13:1-9, содержащий собственно притчу, за которым следует обсуждение с цитатой из Священного Писания в 10-17 и толкование Иисуса в 18:23. Вторая серия притч излагается, обсуждается и толкуется в 13:24 и далее по 13:43. Третий цикл несколько отличается, однако, 13:44-48, где у вас есть притча о сокровище, жемчужине и неводе. Они толкуются в 49 и 50, по крайней мере, невод, а затем обсуждение притч, извините, в целом в 13:51 и 52.

Этот подход своего рода дразнящий. Он имеет некоторую силу, но он имеет тенденцию ломаться в разделе 3, где порядок обсуждения и толкования обратный; если вы заметили это в третьей части, это не работает так хорошо. Он

также не справляется так хорошо с ситуацией, когда у вас есть первая половина притч, адресованная большей группе учеников вне толпы, 13:2, и вторая группа притч, 13:36 и далее, адресованная ученикам в доме после того, как Иисус покинул толпу, обратите внимание на 13:36, который ясно это делает.

Подход к структуре, который немного лучше справляется с этим аспектом, можно найти в журнальной статье, написанной Уэнхэмом в 1979 году. Я полагаю, вы найдете у Бромберга конкретную информацию по этой статье. Уэнхэм представляет структуру, включающую хиазм, или интровертный параллелизм, в котором фокус структуры находится в середине.

Итак, если вы посмотрите на свои заметки к странице 28, вы увидите прямо посередине страницы букву E, которая помещает объяснение Иисуса, почему он использовал притчи, цитируя Псалом 78, и толкование притчи о плевелах в центр этой беседы. По обе стороны, тогда, от этого сердца, у вас есть две пары коротких притч, горчичное зерно в 11:4 и 46. По обе стороны от них, у вас есть своего рода пары, притча о плевелах в 24-30, противопоставляющая добро и зло, и притча о неводе в 47-50, которая также противопоставляет добро и зло.

С обеих сторон, затем, работая дальше, у нас есть в начале, ближе к началу беседы, в 10-23, вопрос учеников и ответ Иисуса о том, как следует толковать сеятеля, и ответ на это во второй половине, вопрос Иисуса и ответ учеников, обратите внимание, как это переключается с их вопроса и его ответа на его вопрос и их ответ, о понимании притч в 51, и, конечно, беседа начинается с притчи о сеятеле в 1-9, и заканчивается притчей о домовладельце, который был обучен для царства, в отличие от сеятеля, который говорит о слушании слова о царстве. Теперь, на мой взгляд, это довольно полезный подход к структуре этой беседы. Иисус, я не думаю, что говорил случайным образом, и, конечно, Матфей как редактор не просто свалил эти притчи сюда, как мы могли бы составить список покупок наугад и просто как-то произвольно записать вещи.

Есть порядок, есть симметрия, есть красота и литературно-эстетическое чудо, когда мы замечаем, как работает этот отрывок. Анализ Онама довольно хорошо отмечает две половины дискурса. Он также верен в том, что видит симметрию двух коротких парных притч о горчичном зерне и закваске, а также о сокровище и жемчужине, но он не так убедителен в том, что размещает несимметрично два толкования Иисусом притч, 13:10–17, толкование сеятеля, не заканчивается параллельно с 13:34–43, объяснением притчи о плевелах в пшенице.

Это может быть проблемой, я полагаю. Теперь мы переходим от вопроса о том, как структурирована Матфея 13, к краткому или двум комментариям о толковании притч в целом. Комментарий Дэвиса и Эллисона представляет собой краткий, очень полезный экскурс в толкование притч, и вы можете найти его в нескольких книгах о притчах.

Я бы, полагаю, настоятельно рекомендовал книгу Киссинджера, которая дает довольно обширную библиографию по притчам, а также некоторую историю толкования, а также книгу Бломберга о притчах. Это еще один прекрасный текст о них. История церкви и опыт многих христиан свидетельствуют о распространенности образных толкований притч Иисуса.

Вы, возможно, слышали некоторые довольно, скажем так, дикие проповеди на эту тему. Я не буду просить вас исповедоваться, если вы их проповедовали. Определение притчи в воскресной школе, к счастью, в данном случае хорошее.

Притча — это действительно земная история с небесным смыслом. Множество таких небесных смыслов накладывалось на притчи. Ранние отцы церкви, мы называем их патристическим народом, патристические авторы, как правило, трансформируют, например, притчу о добром самаритянине, где некий человек спустился из Иерусалима в Иерихон, как вы помните, в Евангелии от Луки, трансформировали ее в историю Адама и Евы и их падения.

Они спустились, в каком-то смысле. И если вы когда-либо изучали это, вы можете найти это во многих книгах о притчах. Это довольно образно, поскольку человек, спускающийся в Иерихон, как раз и есть Адам.

Иерихон становится городом, который символизирует смертность, предположительно из-за этимологии слова Иерихон, которое означает луну, а луна то растет, то убывает. Поэтому он символизирует смертность. Воры, которые нападают на Адама, это, конечно же, дьявол и его ангелы. Добрый самаритянин, который приходит, чтобы забрать ограбленного и избитого человека, не кто иной, как апостол Павел.

Два человека, которые не помогут ему, Левит и другой человек, являются символами, предположительно, Ветхого Завета, Закона и Пророков. Это продолжается и продолжается. Когда Добрый Самаритянин отводит человека в гостиницу, это становится картиной того, как Павел помещает человека в церковь.

В конечном итоге, в этой интерпретации нет ничего еретического, но она имеет очень мало общего с историческим или литературным контекстом этой истории в Евангелии от Луки и имеет тенденцию затемнять ее истинное толкование. Этот аллегорический подход, таким образом, имеет тенденцию разъединять притчи. Он просто разбирает их по частям и не обращает никакого внимания на структуру, в которой эти части находятся у автора Евангелий.

В последние годы на первый план вышел совершенно другой подход, называемый критикой реакции читателя. Критика реакции читателя

подчеркивает своего рода рефлексорную реакцию современного читателя на притчу, опять же, а не исторический или литературный контекст, в котором она изначально была сказана. Поэтому это может быть большой проблемой.

Критика реакции читателя дает результаты, которые часто имеют лишь косвенное отношение к истории и литературному контексту притчи. Более ста лет назад, в ответ на крайности аллегористов, немецкий ученый по имени Адольф Юлихер написал книгу под названием *Die Gleichnis* Лейденский Иисус в 1899 году. Это просто означает «Притчевое учение Иисуса», и многие другие после него утверждали, что притчи Иисуса, в отличие от аллегорий, имеют только одну главную мысль.

Но этот узкий подход, кажется, противоречит собственной интерпретации Иисусом своих притч, как мы увидим позже, не говоря уже о поливалентности или гибкости смысла, присущей использованию историй опытными ораторами и авторами. Поэтому, кажется, лучше всего рассматривать каждую притчу в ее собственном контексте, чтобы определить, в какой степени ее земные детали передают небесный смысл. Посмотрите на Бломберга и Райхена о притчах, и я думаю, эти две книги, и вы получите хороший материал по этому вопросу.

Притчи действительно являются аллегориями, но не нам их аллегоризировать. Аллегорический аспект — это дело автора, а не нас как читателя. Их образность должна пониматься в терминах их собственной древней исторической и литературной конвенции, а не в терминах посторонних категорий, наложенных на них другими читателями.

Образы притч Иисуса взяты из Палестины 1-го века, поэтому понимание исторического контекста имеет решающее значение. Также важно отметить литературный контекст, поскольку порой предшествующий контекст дает ключ, поскольку параболические образы отвечают и соответствуют ключевым персонажам и проблемам в повествовании. Также порой есть заключительный общий комментарий, который применяет параболические образы к контекстуальному вопросу.

Теперь интерпретация Матфея 13. Чтение Матфея 13 в его контексте, кажется, указывает на то, что Иисус намеревался своими притчами открыть истины царства своим ученикам и скрыть эти истины от врагов царства, 13:10-16. Основное внимание в притчах уделяется размышлениям о различных реакциях на послание о царстве, 13:19. Таким образом, основным фоном для притч Матфея 13 является растущее противодействие Иисусу и его посланию, которое было рассказано в Матфея 11 и 12. Притчи помогают ученикам понять это противодействие.

Классический диспенсационализм ошибается в своей попытке понять притчи как относящиеся в первую очередь к будущему тысячелетию или как учение о тайне отвергнутого, предложенного, отвергнутого и отложенного царства. Комментарии Туссэна и Уолворда к Матфею придерживаются этой точки зрения, которой я не придерживаюсь. Царство уже открыто в Матфея 3:2, 4:17, 10:7 и особенно 12:28. Притчи о его нынешнем прогрессе в служении Иисуса и его учеников, а также о его будущей славе.

Конечно, мы всегда можем извлечь применение из этого исторического контекста в современных контекстах, где послание о царстве все еще провозглашается. В конечном счете, ученики продолжают миссию Иисуса, согласно 24:14 и 28:19. Но нам нужно обратить внимание на тот факт, что 13:19 говорит нам, что притчи о слышании слова о царстве, послании о царстве. И, конечно, служение учеников, думая о них как о церкви в целом, продолжается до конца века, согласно 13:39 и 43.

А также 24:14 и 28:18 по 20. Теперь мы переходим к рассказу Иисуса о притче о сеятеле в Евангелии от Матфея 13:1-9. Начиная с контекста второй беседы, извините, с заключения второй беседы в 11:1, Матфей подчеркивает повторяющееся отвержение и противодействие, которые испытывал Иисус. Очевидно, ученики испытывали те же испытания во время своей собственной миссионерской поездки, 10:18 и 24:25. Очевидно, Иоанн, сомнения которого начались в этой части повествования, и собственная семья Иисуса, которая занимает положение вне положения учеников Иисуса, когда повествование заканчивается, 13:46-50, не полностью соответствуют провозглашению евангелия царства.

Заговор фарисеев с целью убийства в 12:14 указывает на непримиримую оппозицию религиозных лидеров служению Иисуса. Таким образом, третья беседа сильно подчеркивает неоднозначную реакцию на послание о царстве и указывает, что это будет продолжаться до конца века, 13:23, 13:30, 13:40-43 и 13:49-50. В конце века Бог накажет тех, кто отвергает царство, и вознаградит тех, кто его принимает. Теперь мы переходим к 13:10-17, где ученики задают Иисусу вопрос.

Притчи о царстве в повествовании Матфея. Тот факт, что ученики спрашивают Иисуса, почему он говорит с ними притчами, подразумевает, что это что-то новое, что-то вроде отхода от его служения. Однако некоторые заходят слишком далеко, полагая, что иудеи решительно отвергли предложение царства и что в ответ Иисус теперь будет говорить об отложенном царстве исключительно таинственным языком, что является интерпретацией диспенсационалистов, таких как Туссен и Валвурд.

Иисус ранее использовал параболические образы до Матфея 13:7, 24-27, 9:15-17, 11:16-19, 12:29-33, 43-45. Иисус также продолжит говорить прямо, без притч, с неверующими в некоторых частях повествования в будущем. Например, 15:3-7, 16:2-4, 19:4-9 и 19:17-22, больше всего Матфея 21:23.

Таким образом, нет никакого раздвоения между не-притчей до 13 и всеми притчами после 13, за которое иногда выступал диспенсационализм. Но есть реальный смысл, в котором Матфей 13 действительно отмечает переход в служении Иисуса. Оппозиция действительно достигла апогея в Матфее 12.

Но параболический дискурс Матфея 13 не является ни новым методом обучения, поскольку Иисус использовал притчи ранее, ни новым учением об отложенном царстве. Притчи Иисуса описывают нынешний ответ Израиля на его послание о царстве. Когда его ученики подхватят это послание после смерти и воскресения Иисуса, притчи будут точно описывать ответ народов на их проповедь, вплоть до конца века.

Наше несогласие здесь с диспенсационалистами, такими как Туссен и Уолвурд, касается не столько решающей природы Матфея 13, сколько вопроса о природе царства и его присутствии, в основном о присутствии царства. Теперь, отношение притч к суверенитету Бога. Конечные создания никогда, даже после своего прославления, не поймут полностью взаимодействие суверенитета Бога и человеческой ответственности.

Матфея 13, стихи 11-15, с цитатой из Исаии 6, 9 и 10, является одним из самых резких утверждений в Библии о прерогативе Бога открывать себя тому, кому он пожелает. Однако это утверждение не столь поразительно, как предыдущее в 11:25-27, которое еще более прямо говорит о том, что Бог скрывает послание о Царстве от тех, кто, притворяясь автономным, отвергает его. Матфея 11:27 также идет дальше, чем 13:11-15, утверждая, что Иисус разделяет божественную прерогативу открывать Отца тому, кому он пожелает.

Как бы то ни было, на эти утверждения божественного суверенитета можно ответить только в духе благоговения и поклонения. И нужно помнить, что в Библии, если не в каждом христианском богословии, суверенитет Бога и ответственность Божьих созданий идут рука об руку. Это становится ясно, когда Матфея 11:25-27 сравнивают с 11:28-30, где суверенитет Бога в молитве Иисуса напрямую следует за его призывом к людям прийти к нему в увещании 11:28-30. Также в 16:15-17, где Петр охотно исповедует Иисуса, но Иисус говорит ему, что Бог открыл ему эту истину, и это не его собственная инициатива.

Также ясно, что те, кого Бог суверенно отвергает, это те, кто сознательно отвергает Бога. Бог не мечет жемчуга перед свиньями, 7.6. Доктрина суверенного избрания Бога, как говорится, утешает тех, кого постигает грех, и

огорчает тех, кто чувствует себя комфортно с грехом. Она также дает уверенность в том, что проповедь вести о Царстве будет сопровождаться Божьим благословением в приведении людей к вере.

Бог приведет свой народ к себе. Да, если это только сейчас до тебя дошло, я признаю, что я кальвинист. Как говорится, подай на меня в суд.

Теперь перейдем к объяснению Иисусом притчи о сеятеле в 13:18-23. Как было отмечено выше во введении к Матфею 13, подробное толкование Иисусом притчи о сеятеле опровергает популярную идею о том, что притча имеет только одну точку отсчета к реальности. Согласно точке зрения Эулихера, которой уделялось большое внимание в евангельских кругах, многие книги по герменевтике скажут вам, что в притче допустимо найти только одну реальную точку. Жаль, что Иисус не читал эти книги.

Хотя центральным моментом притчи, несомненно, является получение вести о царстве, несколько значимых деталей добавляют глубину и детализацию к этому центральному моменту. Очевидно, что сам Иисус является сеятелем, но притча имеет непосредственное применение к служению учеников, когда они сеют семя, когда они выходят и проповедуют весть о царстве. И она имеет окончательное применение к более позднему провозглашению церковью Евангелия Христа после креста.

Первые три типа почвы, чтобы перейти к интерпретации притчи Иисусом, последовательно излагают три фактора, которые препятствуют принятию вести о царстве, сатана, преследование и жадность. Сатанинское противодействие изображено как эффективное, когда семя падает на твердую почву рядом с тропой, что, вероятно, представляет сердца, ожесточенные как человеческим грехом, так и божественным оставлением. Посмотрите на 13:15 и сравните с этим 9:4, 12:34, 15:8, 18:19 и 24:48. Преследование эффективно, когда есть немедленное радостное принятие вести, очевидно, исключительно эмоциональный отклик, лишенный корня интеллектуального понимания, 13:21. Жадность и мирские заботы также эффективны в препятствовании принятию вести о царстве, очевидно, когда требования ученичества сталкиваются с материалистическим образом жизни, 13:22. Сравните 6:19-34, 16:24-26 и 19:23. В свете этого проповедникам Евангелия следует предупредить своих слушателей о вечной опасности иметь сердце, ожесточенное по отношению к Богу, но податливое по отношению к сатане. Точно так же сердце, открытое для поверхностных эмоциональных влияний, но закрытое для глубокого понимания Царства, легко отворачивается от Бога, когда возникают проблемы.

Наконец, сердце, которое легко привлекается мирскими заботами и богатством, — это сердце, которое быстро отвлекается от послания царства. Эти торжественные вопросы слишком редко слышны со слишком многих кафедр.

Другой важный вопрос здесь заключается в том, представляет ли только благая почва, упомянутая в 13:23, истинного ученика царства или же других, которые не приносят плода, следует рассматривать как истинных, хотя и непродуктивных учеников.

Это так называемый спор о спасении господства. Есть те, кто называет себя кальвинистами, которые верят в нечто, называемое вечной безопасностью, иногда пародируемой как спасенный однажды, спасенный навсегда. Это приводит их к выводу, что любое принятие Евангелия, даже если ему препятствует Сатана, гонения или мирская жизнь, равнозначно подлинному принятию, которое непременно ведет к вечности с Богом.

Такие толкователи прочли бы все различные типы почвы в Матфея 13, возможно, за исключением первого, как указание на подлинное обращение. Но, по моему мнению, это не будет работать в Матфее, который учит нас последовательно, что плод является испытанием подлинного ученичества. Обратите внимание в Матфея 3, 8-10 на слова Иоанна Крестителя по этому поводу, противостоя фарисеям и саддукеям.

Обратите внимание также на 7:16-20, как вы различаете истинного и ложного пророка. Обратите внимание на 12:33, где не было плодов среди современников Иисуса. 21:19, в притче о злых виноградарях.

Также в той же притче, 21, 34, 41 и 43. Итак, плод необходим для того, чтобы кто-то считался истинным учеником в Евангелии от Матфея. С другой стороны, также важно отметить, что существуют степени в принесении плода, согласно 13:23. Некоторые 30, некоторые 60, некоторые 100.

Это фактор, который должен заставить тех, кто делает акцент на ученичестве, как это сделал бы я, избегать законничества и перфекционизма. Мы не можем устанавливать человеческие стандарты для ученичества и авторитетно осуждать потенциальных учеников как неверующих. Мы также не можем ожидать зрелого ученичества за одну ночь, так сказать, поскольку благочестие, как и принесение плода, подразумевает период роста, прежде чем может быть урожай.

Поэтому, хотя я бы пришел к выводу, что только хорошая почва, которая принимает семя и приносит плод, является картиной истинного обращения, я бы был очень осторожен в жестком применении этого и установлении наших собственных человеческих юридических стандартов для описания того, является ли кто-то истинным учеником или нет. Нам нужно быть снисходительнее к этому. Поэтому нам нужно сбалансировать идею о том, что спасение происходит по благодати Божьей, с идеей о том, что те, кто верит в Бога, примут Иисуса как Господа и начнут процесс следования по Его стопам.

Завершая лекцию по Матфею 13 вплоть до стиха 23, отметим, что она дает объяснение отвержению, которое испытал Иисус в Матфея 11 и 12. Послание пришло ко многим, но относительно немногие приняли его и принесли плоды. Следующая притча в ее толковании, притча о плевелах и пшенице, даст понять, что эта неоднозначная реакция на царство будет продолжаться до конца века.

Это объяснение наиболее очевидно обнаруживается в злобе и неверии людей, а также в происках сатаны, но в конечном итоге оно будет объяснено в таинственном суверенном замысле Бога.